

Спектакли Французского Национального народного театра, гостящего сейчас в Ленинграде, заметно отличаются от большинства привычных нам театральных постановок. Идущие без занавеса, на почти обнаженной сцене, где одна-две выразительные детали заменяют декорации, а плотные снопы электрического света создают колоннаду, они достигают силы воздействия геометрически строгой чистотой линий, суровым лаконизмом, точностью ритмов. Но не это, хотя само по себе существенное, отличие внешнего облика определяет успех, который сопутствует выступлениям театра.

Истинные человеческие чувства не знают ни географических границ, ни границ времени. Это еще раз показала со всей неопровержимостью постановка знаменитой драмы Гюго «Мария Тюдор».

Режиссерское искусство руководителя театра Жана Вилара, уже порадовавшее нас глубиной философской мысли и ее поразительным совпадением со скупостью театральных средств в мольеровском «Дон Жуане», вновь открыло нам свою жизненную силу, способность безошибочно нажать на те клавиши произведения, которые извлекают звуки, понятные и нужные современному зрителю. Если накануне в «Дон Жуане» нас пленяла зрелость отточенного интеллекта, разная энергия суховатой иронии, то в «Марии Тюдор» на нас хлынул поток страстей, в котором соединились, как того хотел Гюго, «добро, зло, высокое, низкое, рок, провидение, гений, случай, общество, мир, природа, жизнь; и над всем этим... парение чего-то великого!» Этим великим в спектакле стала любовь, заслонившая своей искренней человечностью, своей могучей правдой декламационную приподнятость письма Гюго, егущенную патетику его драматических столкновений.

С самой первой ноты спектакля, с музыкальных аккордов, возникающих в еще освещенном зале, доносится до нас тема судьбы, подкарауливающей героев драмы. Из глубины сцены медленно появляется траурная процессия. Неотвратимо, шаг за шагом, словно надвигаясь на нас, она приближается к рампе, и узкая красная полоса на фоне черного бархата кажется кровавой крошкой. Так минутное вступление к пьесе, сочиненное театром, передает жестокий характер времени, отмеченного кровью и злодеяниями.

Драма «Мария Тюдор» на сцене Национального народного театра

Освобожденные от подробной бытовой обстановки, от привычных и кажущихся необходимыми сценических деталей, эти события раскрываются перед нами во всем размахе своих страстей, во всей силе чувств. Ничто не встает между залом и исполнителем, за спиной которого мы ощущаем незримую, но сильную и твердую режиссерскую руку. Внимание зрителей целиком поглощено актером и только актером. Это тем более радостно, что в «Марии Тюдор» мы впервые познакомились с мощным трагическим талантом Марии Казарес, создавшей вдохновенный образ королевы, обладающей неограниченной властью, но бессильной над собственным сердцем.

Не властительный деспот, но коварный тиран предстает перед нами, хотя в характере, так смело и крупно нарисованном актрисой, есть неприкрашенные черты того и другого. Но и не печальный образ страдальницы, обманутой жертвы увидели мы. Сила этого значительного характера состоит в его безграничной сложности, в его дерзких контрастах.

Да, она королева, эта горделивая женщина, с решительной и властной походкой, с резковатым голосом, привыкшим повелевать, с пренебрежением к этикету, обязательному для подчиненных, но не для властительницы. Но как подлинна ее тоска по верной любви, как лукаво-женственны ее интонации, обыскивающие в нужную минуту придворных, как непостижимо печальны ее глаза, ищущие правды, в то время как она сама хотела бы поверить словам Фабиано.

Надолго запоминается в исполнении актрисы сцена в финале первой части спектакля, когда, обняв голову своего возлюбленного, с достоинством оскорбленной королевы и с мукой обреченной женщины произносит она слова, адресованные палачу:

— Ты хоровому видишь эту голову... Прими же ее в дар от меня!

Сильному и глубоко человеческому исполнению Казарес как бы аккомпанирует весь спектакль — суровый и страстный одновременно, свидетельствующий о множестве путей, которыми достигается эмоциональное воздействие в театре.

Не все в этом аккомпанементе

соответствует силе главной исполнительницы. Если талантливая Моник Шометт, актриса строгой мужественной формы и скрытого темперамента, создает в роли Джен превосходный дуэт с Марией Тюдор, если внутреннее благородство и сдержанная простота Жоржа Вильсона в роли честного и самоотверженного ремесленника Гильберта оттеняют безудержный произвол страстей королевы, то уже в образе Симона Ренара, которого играет Филипп Нуаре, хотелось бы видеть более крупного и достойного противника властительницы Англии. Точно так же хотелось бы разглядеть в образе Фабиано Фабиани, созданном Роже Молевом, не только ничтожество мелкого честолюбца, но и нелюбовь сердца, способного завоевать и обмануть Марию.

Но это естественное желание, чтобы все в талантливом спектакле было на уровне его ведущего начала, не уменьшает силы впечатления, рожденного высокими страстями и истинной правдой чувств. А они всегда в искусстве находят кратчайший путь от сердца к сердцу и преодолевают границы разных языков и разных стран. Это и совершили французские актеры своим искусством.

Р. БЕНЬЯН

На снимке сцена из спектакля «Мария Тюдор» в постановке Французского Национального народного театра

Фото Г. Чертова

